

ИСТОРИЯ ГОРОДА ИВАНОВО

Всё 1 447

Обсуждаемые

Anuncio

HTML5
PARSER

loadstainmysql.site

Part-time job for programmers

We offer you to earn extra money by parsing websites using our website.

Anuncio

Russian top Wheat High protein min 12% NON GMO Wholesale

Barley 1,2 grade, malted origin Russia! High protein from 12! All specifications, docs

ИСТОРИЯ ГОРОДА ИВАНОВО

28 июл 2019 · В группе 14 616 участников

Вступить

Анна Керстан. Воспоминания о Первом Интернациональном детском доме ЦК МОПР в городе Иваново (1936 – 1946 гг.)

Как я попала в Интердом

В марте 1936 года я приехала в Интернациональный детский дом, провела в нём незабываемые десять лет до возвращения в Германию в ноябре 1946 года. Моя мать эмигрировала в марте 1935 года с моей старшей сестрой Эвой и со мной в СССР, так как оставшая в Германии была опасна после трёх лет нелегальной борьбы матери вместе с нашим отцом против фашистской нечести. Наш отец должен был последовать за нами, но был предан, в мае 1935 года арестован и в январе 1938 года в Берлине казнён. Один год мы жили в Москве в гостинице «Балчуг», потом наша мать отдала нас в детдом, потому что она должна была и тоже хотела работать и выучить русский язык. Позже, когда она могла бы взять нас к себе, мы хотели остаться в детдоме. Нам нравилось жить в нём. Мать навещала нас каждый месяц, если не было карантина, и летом мы жили три месяца у неё в Москве (с начала июня до конца августа были тогда в школах каникулы). Мать запомнила слова Эвы: «Если в Москве я поспорю с Аней, мне не с кем больше играть, а в детдоме я быстро могу найти кого-нибудь».

Первый интернациональный детский дом был основан в 1933 году по инициативе МОПРа («Международная организация помощи борцам революции»), которая существовала с 1922 до 1947 года). В фонд МОПРа вносили свои деньги и рабочие города Иваново, и это в особенно большом количестве, хотя они сами зарабатывали немного, но помнили свою борьбу против царского режима. На митинге в 1932 году, посвящённом памяти расстрелянных рабочих, было решено построить Интердом в Иваново.

Anuncio

New luxury complex The Ritz-Carlton Residences in Dubai

Off-plan apartments in Dubai

ritz-carlton-keturah...

Anuncio

Laboratory & Quality control in plastics processing

Lab & Quality control in ...

lab-extrusion-inko...

Anuncio

Multi-accounting

BAN-FREE

Unlimited accounts for ban-free affiliate.

Free! Apply BASE4 promote!

ocdbrowser.net

Más información

Ивановский интернациональный детский дом МОПР и стадион "Локомотив". 1930-е гг.

В мое время в Интердоме жили дети из 30 разных стран мира. Самая большая группа была из Китая, вторая по численности наша, немецкая. Нас было приблизительно 25 воспитанников, всего в детдоме - около 150, во время войны в детдом приехали русские и дети из захваченных немцами союзных республик, и количество детей значительно выросло. Мы говорили друг с другом по-русски, национальность не играла роли в общении друг с другом и в выборе друзей. Моя лучшая подруга была китаянка Ай-чин.

Когда я приехала в детдом, я не знала русского языка. Сначала я провела несколько недель в карантине с одной няней, которая не говорила по-немецки. Я быстро выучилась говорить по-русски, как это у детей обычно бывает. Помню только, что мне было трудно запомнить слово «чулки». Они часто висели промокшие на батарее, так как мы с няней катались на санках, а моя кровать находилась напротив батареи, на которой они сушились, и просила дать мне их. Между прочим, наша комната находилась рядом с кабинетом врача Марии Михайловны Давыдовой, которая сопровождала всю мою жизнь в детдоме и которую мы все любили.

Anna Kerstan (Ani Balócer) (справа) с мамой и сестрой Эвой. 1937 г.

В дошкольном отделении

Дошкольником я была два года, так как в своё время в школу поступали с 8 лет. Но читать и писать мы уже в семь лет научились. Помню, как мы сидели за столами и списывали с доски начала письма: «Здравствуй, дорогая мама! Как ты живёшь? Я живу хорошо». Так начинались мои письма маме много лет. Помню тоже, как мы лежали в большой комнате на раскладушках, впереди сидела воспитательница и следила за тем, чтобы мы лежали на правом боку с ладшами под правой щекой.

Первые годы в детдоме меня мучили кошмарные сны. Два из них помню до сих пор. В одном сне меня втягивала в себя большая воронка, стены которой в быстром темпе кружились. Во втором сне я вижу, в середине комнаты сидит большой мужчина и курит трубку. Я убегаю и бегу мимо заборов с закрытыми воротами. Вдруг один из них целиком открыт, и я вижу вдали человека с винтовкой, который целится в меня. Много лет спустя я узнала человека, который сидел и курил. Это был Вильгельм Баник, руководитель подпольной группы, членами которой были и мои родители. Это было невероятно, открыв книгу о немецких борцах против фашизма (она вышла в 1970 году) и увидев фотографию Баника, я воскрикнула: «Это его я видела в своих кошмарных снах». Баник был часто в нашей квартире. Он пользовался у моих родителей большим авторитетом, как пишет моя мама в своих воспоминаниях. Я, наверно, это чувствовала и что в связи с ним мы в опасности, или просто его большая и крепкая фигура вызывала мою боязнь.

Немецкая группа в 1940 г. Второй ряд, третья слева - Эва, четвертая - я.

Дети немецкой группы. Интердом. 1940 г.

Школьные годы

Учение мне давалось легко, и я охотно училась. За отличные отметки я часто получала награды. Получив что-то в десять лет, помню, что мне было это неприятно, и я думала, что было бы лучше, если бы наградились не отличники, а дети, которые улучшили свою успеваемость, как это было после первого класса, когда Траутки, которая не была отличницей, получила за лучшие отметки кукулу. А отличники наградились бы, если они интенсивно помогали другим. Они выразили свою критику, я, кажется, любила Эву, воспитатели пользовались у нас большим авторитетом. Долгое время я думала, что сороятся только дети, и была ужасно удивлена, застав воспитателей за ссорой.

Первые три года мы ходили в 37-ую школу, которая находилась недалеко от нашего дома. В классе было 42 человека, среди них десять детдомовцев: австрийка Траутки, болгарка Искра, я, гречанка Роза, итальянка Рита, индуска Бетти и полька Жанина, болгарка Люда, и ещё два мальчика, имён которых не помню.

Ул. Большая Железнодорожная (сейчас ул. Полка "Нормандия-Неман"). Школа №37. 1940 г.

Уроки начинались в девять часов. Двери в школу открывались незадолго до этого. Когда толпы школьников вваливались в них, малыши, любили поднимать ноги, чтобы нас вносили в дом. С четвертого класса началось предметное обучение с разными учителями. Я особенно любила математику и русскую литературу.

Преподавателями были Софья Ивановна Чижова и Феодосия Фёдоровна Дробот. Позже с восьмого класса я заинтересовалась историей. Учительница Анна Дмитриевна Егорова читала нам небольшие, но очень увлекательные лекции. До этого историю преподавала учительница Выдрицкая, для которой прежде всего важны были исторические даты. Она была и нашим классным руководителем. За глазами мы называли её «Выдрой». Однажды одна мать пришла в школу и хотела говорить с учительницей «Выдрой», она думала, что это её фамилия. Проблемы я имела с учительницей.

Помню, что при классных работах по русскому языку мне помогала моя китайская подруга Ай-чин, а по математике я ей, конечно, в тайне от учителей. С 1942 года мы ходили в 40-ую школу, так как нашу школу превратили в госпиталь. Эта школа была женская и лежала дальше от нашего дома. Нам нужно было ходить до неё приблизительно 30 минут.

Школа №40. Ул. 1-я Миневская.

Дорога в школу

Дорога из Интердома в 40-ую школу.

Преподавание велось в двух сменах. Не помню, чтобы мы на уроках шумели. Наша недисциплинированность выражалась только в том, что мы в первую часть урока, когда интересно одна из учениц у доски отвечала на вопросы учителя, читали под партой интересные книги или перед днём учителя обвязывали платки. Помню, как наш классный руководитель Выдрицкая увидела это через окно над дверью класса, когда она спускалась с лестницы, и отругала нас.

На переменах мы спокойно ходили по двору — часто по парам — и разговаривали друг с другом. Помню, что мы раз купили подарки учителям за деньги, полученные за продажу хлеба, который нам выдавали в школе. Нас немного выругали за это. Представляю себе, что учителям было стыдно. В конце учебного года, начиная с четвертого класса, состоялись экзамены, письменные и устные. Для подготовки устных нам давали билеты, которые потом на экзамене лежали на столе, и мы вытаскивали один из них и имели время для подготовки. Перед экзаменами мы могли ходить на консультации к учителям. Помню, что мы ходили к Феодосии Фёдоровне только из-за любви к ней. У неё были тёмные короткие волосы, тёмный цвет лица, голубые глаза и жёлтые от курения пальцы.

На табелях успеваемости — жаль, что мой последний 8-ого класса, который я привезла в Германию и часто показывала на беседах о детдоме и СССР, потерялся — ставились отметки за каждую четверть года, за экзамены и за весь год с отметкой о переводе в следующий класс. В Германии отметки даются только после первого полугодия и в конце учебного года, а экзамены проводятся лишь по окончании средней и полной средней школы. Стихи заучиваются редко.

Помню, что после окончания 7-ого класса, т.е. неполного среднего образования, нам надо было сдать 11 экзаменов, а по русскому языку надо было знать 30 стихов, из них 2 текста в прозе («Песно о соколе» и описание природы из «Героя нашего времени»), а также «Плч Ярославны» на старославянском языке.

Занятия в детдоме

Хорошие занятия мы делали в детдоме. Задавали по каждому предмету, так что приходилось тратить на их выполнение несколько часов. У каждого класса имела своё помещение и был свой воспитатель. Нашим воспитателем была болгарка Свобода Благоевна Касабова, которую мы уважали.

Мы встречались с ней после 1946 года в Германии несколько раз, и я была у неё в Болгарии. Но первая связь возникла в Болгарии, и я в путь сказала: «Знакомой моей мамы ехал с делегацией в Берлино, и я ему в шутку сказала: «Если увидишь Свободу, передай ей привет». И он действительно познакомился с ней на встрече с представителями Общества болгаро-советской дружбы, председателем которого она была. Свобода рассказала о своей судьбе и о своей работе в Интердоме. Тогда знакомый передал мой привет, но Свобода сначала не могла понять, от кого привет, т.к. Знакомый назвал моё имя Анна Бобек, а в детдоме моё имя было Ани Бальцер (мама из-за конспирации изменила в СССР нашу фамилию). Только, когда знакомый назвал имя моей сестры, она сказала: «Это Эва и Ани Бальцер» и прислала мне с ним фото с ней, с её дочкой, которая тоже встречивалась в Интердоме, и внаком. Я была очень рада.

В детдоме мне надо было ходить на уроки немецкого языка. Каждая национальная группа имела занятия по родному языку, если при преподавателе. Нашей учительницей были сначала Паула Хохепплер (её дочь Хильда была тоже в детдоме), а потом Дагмар Хорстман. Мне пришлось учить немецкий язык, как иностранный, т.к. я его совершенно забыла в отличие от моей старшей сестры, которая а в школе изучала немецкий язык, а — французский. В советской школе с пятого класса преподавали иностранный язык — немецкий, французский или

Мы ценим вашу приватность!

Мы и наши партнеры используем такие технологии, как файлы cookie, и обрабатываем персональные данные, такие как IP-адрес или информацию браузера, для персонализации рекламы, которую вы видите. Это поможет нам показывать вам более релевантную рекламу и улучшает вашу работу в интернете. Мы также используем эти данные для измерения результатов или настройки содержания нашего веб-сайта. Поскольку мы ценим вашу конфиденциальность, мы просим вашего разрешения на использование этих технологий. Вы всегда можете изменить или отозвать свое согласие позже в разделе "Политика конфиденциальности".

Хранение и (или) доступ к информации на устройстве

Выбор базовых рекламных объявлений

Создание персонализированного профиля системы объявлений

Принять все

Настройки

Подробнее